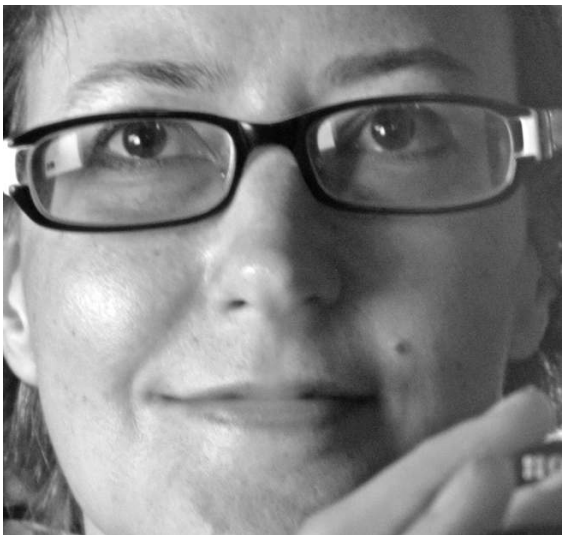

Анджела РЕЙ родилась в Москве, в 1995 году окончила филологический факультет МГУ. Работала переводчиком. В 2012 году издала книгу «Все или ничего». Лауреат конкурса «Школа букеровских лауреатов» (2012) в номинации «Фэнтези». Обладатель Гран-при литературной премии «Новое имя в фантастике» (2013) Интернационального Союза писателей. Лауреат литературного фестиваля «Бумажный Ранет» (2013), номинирована на звание «Писатель года» (2012, 2013, 2014).

ДОЖДЬ

Поиск Рая — это новый поиск детства.
Ф. Ницше

То, что ты проводил слезами,
вернется к тебе дождем.
Пиллей

Почти целый день ушел на дорогу. Дождь кончился. Тис заспешил к калитке.

Мятые складки облаков небрежно свисали до самой травы, проколовшей небо. Вкус безмолвия и одиночества чуть горчил на губах. Старый дом — рассохшаяся музыкальная шкатулка — молчал, поглощенный воспоминаниями. На лужайке расцвели Большая Медведица и Ковш, пройдя сквозь землю золотистыми звездами одуванчиков.

Пруд зарос осокой и голубыми кувшинками, поверхность искрилась серебристыми пузырьками воздуха, рассыпавшегося по темной воде. Там, у склонившейся над водой ивы, широкая желтая доска с четким узором сучка у

левого края всегда служила сходнями к воде. К стволу была привязана старая лодка, наполовину залитая густой темной жижей.

Сарай до сих пор хранил запах сосновых опилок и ржавого железа. Уголь темной горой переливался в углу. Огромный стол, покрытый зеленым сукном, врос в пол. Солнечный луч играл в неровных гранях стеклянной чернильницы. Ящики таили несметные богатства: от крохотных деревянных бирюлек с острым запахом ментола до хрустальных подвесок от люстры, растворявшихся в солнечных лучах сотнями радуг.

«Обмануть время — не такая уж и хитрая задача, — подумал Тис. — Мы научились обманывать расстояния, но не можем обмануть проклятое «вчера», которое, словно масляное пятно, растекается по нашей жизни, оставляя все меньше чистого «завтра» на поверхности сознания. «Вчера» разъедает мозг, рождая страх и отчаяние. Этот стоглазый монстр смотрит на нас с фотографий, швыряется засохшими словами писем и поздравлений уже не существующих друзей, собирая кожу в складки, выжимая из тел силу и желания. Он пожирает картины, книги, города, память и мечты, все превращая в пыль и тлен. «Вчера»! Ненавижу это слово».

Тис бросил обратно в ящик горсть хрустальных осколков люстры и с силой захлопнул его. «Почему мы можем вернуться в любое место, еще не затянутое черной плесенью «вчера», но не можем открыть дверь в прошлое воскресенье, словно каждый день — одноразовый платок, уничтоженный огнем небытия? Мы можем пользоваться той же одеждой, есть тот же суп целую неделю, читать те же книги, но еще раз прожить «вчера»…

Должен быть выход. Кому-то кажется, что он застрял во «вчера» и он пытается вырваться оттуда. Глупец. Он просто поглощен пленкой рутины и уже не отличает «вчера» от «сегодня». Они похожи на вкус. Кто-то кричит: «Ура! Пятница!», по мне — это то же самое, что кричать: «Ура! Жизнь, наконец-то, кончилась!»

И все время бежит, даже во сне, бежит к пропасти. И время бежит за ним.

Я побегу назад».

Тис тяжело поднялся и направился к дому. Заросший мелкими сорняками гравий похрустывал, словно снег. Огромная береза с покосившимся скворечником, сброшенные в кучу дрова, беседка… Все было, как прежде, поэтому не существовало. Привычные вещи со временем становятся невидимыми. Массивная дверь, некогда обитая блестящей светло-коричневой кожей, обвисшей

теперь, словно старушечья, неохотно повернулась на петлях. Ящерица настороженно застыла на стекле трюмо. Мальчиком он всегда верил, что она живая, и боялся спугнуть ее всплеском движения своих отражений в зеркалах. Вещий голос ящерицы твердил, что рожденный умрет.

Пройдя через веранду с круглым столом и пыльной метелью тюля, он заглянул в маленькую кухню с раковиной, под которой стояло ведро. Звуки падающих капель, мухи, вспотевшей от борьбы с упрямым стеклом, тиканье часов, словно песок в часах, просеивались в безмолвие. Темный узкий коридор вел в гостиную, залитую мутной полутьмой. Там в углу стоял огромный зеленый сундук с полукруглой крышкой.

Тис встал на колени. Фанерная крышка зевнула, обнажив темное нутро. Тис дрожащими руками извлек одноглазого зайца, горсть оловянных солдатиков, больно коловших пальцы крошечными штыками, паровозик без колес. Затем белую вуаль с нитями пожелтевшего жемчуга, безголовую куклу, блеющую козой, когда ее наклоняли.

Собрав все необходимое, Тис направился в маленькую спальню рядом с печкой. На выцветшей бумаге стен едва угадывались взявшиеся за руки дети, вылизанные «вчера» до призрачного состояния. Его шершавый язык прошелся по фотографиям, шторам, покрывалам, оставив сухую слюну паутины в углах и на потолке.

Трупики мух, фарфоровых ангелов и танцовщиц громоздились на столе. Тис сдвинул их, разложив все необходимое для эксперимента. Он проделал немалый путь, чтобы нащупать пути отступления назад. Тис беседовал с мудрецами, гуру, священниками и теми, кто пережил смерть, чтобы раскрыть хитрый механизм времени и познать его самую сокровенную тайну. Он верил, что если до мельчайших деталей воспроизвести в памяти самый счастливый день своей жизни, если прикоснуться к тем же предметам, что жили тогда, если максимально сконцентрироваться…

Жаркая ртуть времени перетечет из одного тигля в другой, приняв его запах, цвет и форму. Тело распутает кокон минут, часов, дней недели, и прекрасная бабочка мечты, сияя всеми цветами радуги, вырвется на свободу. И вот тогда, из осени и грязного снега, из шепота сплетен за спиной, из мусора «сегодня», из зыбучей пыли «вчера» появится…

Тис точно не знал, что должно произойти, только верил, что окажется в самом счастливом дне своей жизни. Он долго выбирал, перелистывая ста-

рые дневники, письма и фотоальбомы. Рождество, когда он получил, наконец, свою первую железную дорогу. Отец, как мальчишка, ползал по ковру на четвереньках, проверяя стыки рельсов, выравнивая их поверхность. Свисток, струйка настоящего пара и захлестывающий восторг, толкавший тело вверх. Мама улыбалась, прислонясь к косяку двери. Из кухни тянуло густыми ароматами, живая ель переливалась сотнями счастливых светлячков. Все было живым и настоящим.

Снежная битва после праздничного ужина тоже была хороша. Вредная тощая соседская девчонка, вечно подглядывавшая из-за забора, получила свой снежок, сбивший шапку. Снеговик с угольками глаз и настоящим ведром на голове, сани…

Или первая встреча с ней? Тонкие косички с огромными белыми бантами, шерстяное платьице с зелено-белыми полосками. И вдруг - взгляд огромных темных глаз, сердитый, но заинтересованный, упавшая на пол салфетка, тающий в пальцах шоколад. Первый разговор был неловким, он даже не помнил, о чем они болтали, сидя в темной кухне перед огромным светящимся аквариумом. Случайное прикосновение пальцев. А уже потом — узкие улочки городка, бесконечные разговоры и вальс пролетающих над переулком пешеходов.

Сколько их было, таких дней? Немало. И каждый по-своему хорош. Что выбрать? И будет ли оно таким же, как в первый раз, или счастье тоже одноразовое? Вдруг разум, словно цемент, сохраняет четкие отпечатки ощущений, и повторное прикосновение не вызывает эмоций? Правда ли, что вкус шоколада изменился, или язык перестал понимать его?

Тис замер над своим волшебным добром. Амулет оттягивал шею. Заклинание, выведенное дрожащей рукой мудрого старца, техника концентрации и правильного дыхания. Все должно получиться. Медленное погружение в транс.

Бой часов заставил его подпрыгнуть. Ну конечно! Какая нелепая ошибка, забыл остановить маятник. Тис аккуратно открыл стеклянную дверцу. Тяжелый диск замер, не завершив последний полукруг. Тучи теснились в оконце. Где-то далеко полыхнула молния, тяжело лопнул гром, и серые капли нетерпеливо забарабанили в стекло.

Дом вздрогнул, словно остановили его старое пыльное сердце. Одуванчики закрылись, будто раковины во время шторма, пруд потемнел, взъерошив

лепестки кувшинок. Сарай заскрипел, как старый башмак. Воздух напрягся. Тис чувствовал вибрации. Две могучих стихии схлестнулись в очередном всполохе молний: прошлое и настоящее смешивались в один бескрайний океан мгновений. Лавина воспоминаний накрыла Тиса, оглушив музыкой голосов, ослепив сотней форм, озарив мощью самых простых истин. Его тело потеряло способность ощущать что-либо, кроме движения, но Тис не мог определить направления.

Медленно, словно соринка в весеннем ручье, оно вращалось в бурном водовороте понедельников, сентябрей и семичасовом писке будильника. Тис испугался хаоса, но упрямо думал о самом счастливом дне, постепенно начиная ощущать сладкую истому в желудке.

Незаметно шум утих, дождь кончился. Где-то за спиной трубно прокричал поезд. Тис стоял возле калитки своего старого дома. Он прикоснулся к влажной теплой древесине морщинистой рукой и ощутил счастье.